

ДОКЛАД МЕЖДУНАРОДНОГО ДИСКУССИОННОГО КЛУБА «ВАЛДАЙ»



Валдай | Международный
дискуссионный клуб

www.valdaiclub.com

ВРЕХИТ, СИТИ И КРИЗИС КОНСЕРВАТИЗМА

Радика Десаи и Алан Фриман

МОСКВА, ДЕКАБРЬ 2016

Авторы

Радика Десаи,

профессор факультета политических исследований, директор Группы по изучению геополитической экономики, Университет Манитобы, Виннипег, Канада

Алан Фриман,

содиректор Группы по изучению геополитической экономики, Университет Манитобы, Виннипег, Канада

Содержание

Игра по-крупному: ради партии Кэмерон ставит на карту страну	3
Агиткампания: расизм против страха.....	5
Результат голосования: протест против нелиберальной Британии	8
Brexit: угроза для Сити	10
Что они сделали?! Задача с известными неизвестными и неизвестными неизвестными	14
Британское общество: нелиберальные линии разлома	17
Крах политической системы	19
Заключение	20
Список использованных источников	21

В истории либеральной демократии ситуации, когда народ преподносит властям держащим неприятные сюрпризы, случаются довольно редко. Этому препятствуют власть денег и глубоко классовый характер избирательного процесса. Но 23 июня 2016 года произошло именно это: британский электорат, вопреки усилиям правящего класса и политического истеблишмента, проголосовал за выход из Евросоюза. На сегодняшний день, несмотря на давление со стороны этих могущественных сил и деятельность групп, выступающих за отмену результатов референдума – а это практически все руководство политических партий, большинство образованного среднего класса, а также мощный финансовый сектор, являющийся основой британского капитализма, решение остается неизменным. Правда, премьер-министр Кэмерон, объявляя о своей отставке на следующий день после референдума, отложил выход из ЕС до осенней конференции консерваторов, на которой должен избираться новый партийный лидер. Правда и то, что Тереза Мэй, ставшая лидером партии и премьер-министром много раньше, нежели ожидалось, отодвинула дату начала переговоров о выходе Великобритании из ЕС в соответствии со статьей 50 Лиссабонского договора на следующий год. Но бесконечно медлить невозможно: принятое на референдуме решение надо исполнять, да и европейские

лидеры требуют положить конец неопределенности. Богатое событиями лето 2016 года закончилось, наступил сентябрь, и в Лондоне и Вестминстере возобновилась обычная жизнь. На открытии конференции Консервативной партии г-жа Мэй заявила, что Великобритания приведет в действие статью 50 договора до марта 2017 года, а парламент по завершении переговоров аннулирует закон 1973 года о вступлении Соединенного Королевства в Евросоюз.

Однако начало переговоров по статье 50-й – это лишь первый шаг в рамках двухлетнего процесса. Таким образом, настоящий Brexit откладывается до 2019 года, а на протяжении двух с лишним лет у тех, кто будет препятствовать осуществлению решения, пытаться сорвать, исказить или отменить результаты референдума, появится для этого масса возможностей. Так что в заявлении г-жи Мэй содержится отнюдь не план и не график выхода, а заявочная позиция в преддверии грядущих изнурительных битв. Предсказать их исход невозможно, ибо в игру, как в самой Великобритании, так и в остальных 27 странах Евросоюза, вовлечено слишком много сил и слишком много неизвестных величин, в том числе экономического характера. Мы же, тем временем, попытаемся разобраться, что это за силы, каков их потенциал и что ими движет. А для этого, прежде всего, необходимо понять, зачем в принципе был назначен этот референдум.

Игра по-крупному: ради партии Кэмерон ставит на карту страну

Наивные люди полагают, будто столь важный, чреватый разрушительными последствиями референдум просто так не назначают и что на такой шаг идут только в том случае, когда разногласия по поводу членства в ЕС делают невозможной нормальную политическую жизнь, а иного пути снять противоречия не существует. Поэтому многие удивятся, узнав, что этот референдум, по сути, был исклю-

чительно внутрипартийной проблемой консерваторов.

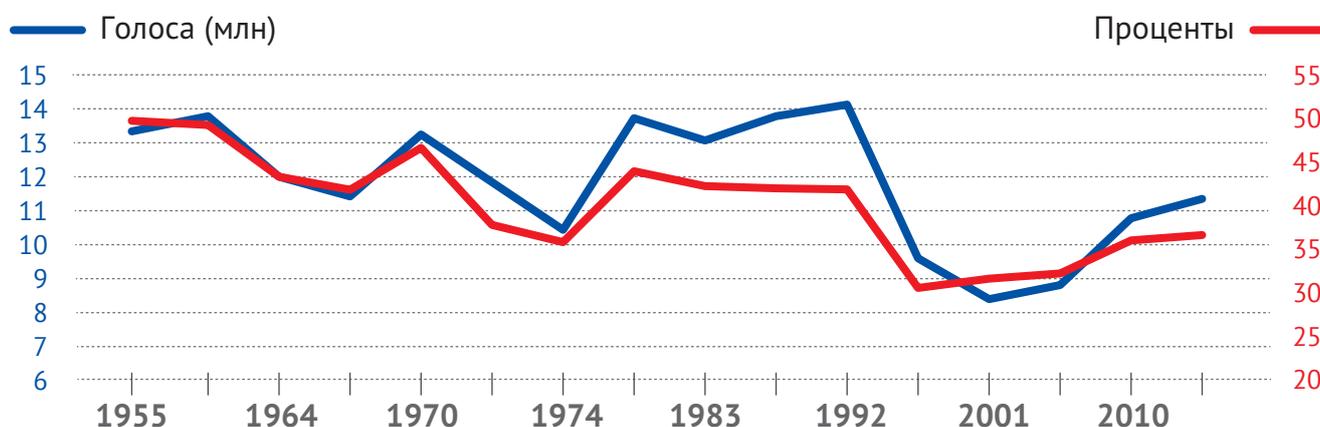
Проблема была обусловлена двумя факторами. Во-первых, число голосующих за консерваторов, достигнув пика в 1955 году (Рис. 1), с тех пор постоянно снижалось – как в процентном отношении, так и в абсолютных величинах. Во-вторых, хотя членство в ЕС и его условия постоянно вызывали распри внутри обеих

главных партий, особо страдали от этого консерваторы. В отличие от других европейских стран, где мелкие и крупные собственники представлены разными политическими партиями, Консервативная партия Соединенного Королевства является партией всех собственников – как мелких, так и крупных (Gamble. 1974).

Особенно страшит консерваторов пропасть, пролегла между интересами и миро-

возрением представителей крупного и мелко-го капитала, а членство в ЕС эту пропасть только углубило (Baker et al. 1993). Разногласия по этому вопросу привели к политическому падению г-жи Тэтчер, активизировали внутривнутрипартийные распри, в результате которых консерваторы на 13 лет потеряли власть, они положили конец политической карьере Кэмерона и могут повлиять на срок пребывания на Даунинг-стрит г-жи Мэй.

Рис. 1. КАК ГОЛОСУЮТ ЗА КОНСЕРВАТОРОВ: АБСОЛЮТНЫЕ ВЕЛИЧИНЫ И В ПРОЦЕНТНОМ ОТНОШЕНИИ



Более того, с начала 2000-х годов у правого фланга консерваторов стала отбирать голоса Партия независимости Соединенного Королевства (ПНСК), затрудняя получение консерваторами парламентского большинства даже в условиях мажоритарной избирательной системы, которая позволяла партии, набравшей чуть более 40% голосов, получить большинство. В результате консерваторы, несмотря на все проблемы лейбористов, смогли попасть на Даунинг-Стрит только в 2010 году, создав коалицию с Либерально-демократической партией.

В 2015 году Дэвид Кэмерон проводил кампанию, стремясь обеспечить партии большинство голосов. Победа на выборах 2015 года зависела от того, удастся ли консерваторам вновь привлечь голоса избирателей, более всего обеспокоенных проблемами членства в ЕС и иммиграцией (Cowley and Kavanagh. 2015). Попробовав отнять избирателей у ПНСК, Кэмерон

пообещал провести новые переговоры относительно условий членства в ЕС и референдум о членстве в ЕС уже на новых условиях. В 1975 году одной из причин референдума, на который был вынужден пойти Гарольд Уилсон, было стремление утихомирить противников ЕЭС в Лейбористской партии, однако в данном случае взаимосвязь была не столь очевидной, а партийное размежевание по вопросу ЕС более четким. Тем не менее, проведение нового референдума было чисто внутренним делом тори, основанным исключительно на электоральных расчетах.

Расчет сработал. В 2015 году Кэмерон получил вождеденное большинство и приступил к переговорам о новых условиях британского членства в ЕС, акцентируя усилия по борьбе с иммиграцией, чтобы подготовить почву для победы на грядущем референдуме. Фактически ему удалось не так много: он получил

согласие на введение временных ограничений на доступ иммигрантов к социальным льготам. В плане защиты Сити от нежелательного регулирования со стороны ЕС самым значимым достижением было признание, что евро не является единственной валютой Евросоюза. Кэмерон получил туманное обещание о снижении административной нагрузки по регулированию бизнеса и кое-какие заверения относительно не-

бязательного участия Великобритании в «более тесном союзе». Кроме того, ему сделали несколько уступок по вопросу суверенитета (Sparrow, 2016). Ничто в этом процессе или его результатах не указывало на то, что это не просто попытка умиротворения противников ЕС путем переговоров, что Кэмерон боится потерпеть поражение или что его усилия как-то повлияют на расстановку сил в ходе референдума.

Агиткампания: расизм против страха

Противники выхода считали, что референдум будет для них легкой прогулкой: как никак на их стороне все основные партии, центральные газеты, большинство корпораций, финансовый сектор, все высшее руководство. Однако кампания получилась жесткая и даже привела к гибели женщины-парламентария.

Возможно, осознав, что переговоры Кэмерона ничего не дали, особенно по вопросу иммиграции, склонный к скоморошеству, но популярный политик – бывший мэр Лондона Борис Джонсон, еще ни разу не замеченный в ненависти к Европе и слывший самым громогласным защитником интересов Сити, вдруг решил возглавить движение сторонников выхода из ЕС. В предыдущем году он не стал в третий раз баллотироваться на пост мэра, а сосредоточился на своих парламентских амбициях, включая руководство Консервативной партией. Очевидно, что кратчайший путь к этой цели, а в дальнейшем – и к резиденции на Даунинг-Стрит 10, лежал через активное участие в кампании за выход из ЕС.

Кампания за Brexit разворачивалась на почве, хорошо удобренной Кэмероном в ходе выборов 2015 года и последующих за этим переговоров с ЕС. Основной темой стало неприятие иммиграции, щедро приправленное расизмом и исламофобией. Расизм обрел голос. Участники кампании придали ему легитимность, сводя на нет результаты пятидесятилет-

ней героической борьбы чернокожих британцев и других этнических меньшинств. Резко повысился уровень преступности на расовой почве, увеличилось число насильственных нападений на чернокожих жителей Британии, мусульман и недавних приезжих из стран Европы (Paaveen and Sherwood, 2016). Член парламента от Лейбористской партии Джо Кокс, агитировавшая против выхода из ЕС и осуждавшая разгул расизма в стране, была убита среди бела дня душевнобольным субъектом, связанным с праворадикальными и неонацистскими группами.

Как заявляли сторонники Brexit, иммигранты, в частности из стран ЕС, занимали и без того малочисленные рабочие места; на их содержание расходовались все ресурсы социальных служб и служб здравоохранения; Британия не в состоянии контролировать иммиграцию, пока остается в ЕС. Лозунг «заберем бразды правления у ЕС» толковался большинством как необходимость установления собственного контроля в первую очередь над иммиграцией. Наконец, поборники Brexit не боялись выступать с фантастическими заявлениями о непомерных суммах, уплывающих в Брюссель. Впрочем, утверждения, что эти средства пойдут на улучшение социального обеспечения, в частности, Национальной системы здравоохранения, из уст представителей крайне правого крыла Консервативной партии звучали неубедительно.

Противники выхода, в свою очередь, сосредоточились на двух основных моментах. Они подвергали резкой критике расистские взгляды своих оппонентов, надеясь дискредитировать их позицию на этой почве, и рисовали страшные картины последствий Brexit. Однако приводимые в подтверждение цифры делали эти прогнозы не более, а менее обоснованными, напоминая едкие высказывания Тома Нейрна насчет прежних внутривнутриполитических баталий вокруг членства в ЕС: «Политики, которые, занимая государственные должности, были всякий раз не в состоянии правильно оценить размер платежного баланса, ошибаясь в пределах 100 миллионов фунтов стерлингов, теперь знают наверняка, сколько через пять лет будет стоить сливочное масло» (Nairn. 1972). Конгресс тред-юнионов опубликовал доклад, в котором утверждалось, что каждый британский рабочий потеряет в среднем 38 фунтов стерлингов в неделю. Начавшаяся за несколько дней до референдума паника в рядах противников выхода вынудила Джорджа Осборна выступить с угрожающим заявлением о том, что в случае победы сторонников Brexit ему придется увеличить налогообложение на 30 млрд фунтов и сократить госрасходы.

Посеять страх стремились обе стороны, и Борис Джонсон справедливо назвал кампанию противников выхода из ЕС «проектом страха» (Project Fear). По иронии судьбы, тот же ярлык навесили на тех, кто голосовал против выхода из состава Соединенного Королевства на референдуме 2014 года в Шотландии. По сути же, строить свою кампанию больше было не на чем. Ведь ЕС, переживавший кризис за кризисом, выглядел малопривлекательно. Власть Германии и банкиров приобрела угрожающие размеры. «Тройка» в составе Европейского центрального банка, Еврокомиссии и МВФ навязывала периферии ЕС карательный режим строгой экономии и вгоняла Грецию в рецессию, сравнимую по своим последствиям с великой депрессией в США. А неуклюжая попытка г-жи Меркель предстать перед народами Европы не чудовищем, а ангелом, милостиво впустившим в их

дома миллион сирийских беженцев в качестве акта искупления за пережитые страдания, спровоцировала полномасштабный миграционный кризис, представляющей для единства Европы еще большую угрозу, нежели кризис еврозоны.

В этих условиях, противникам Brexit оставалось только предсказывать катастрофу: после выхода из ЕС уровень неприятия космополитизма возрастет, британское общество станет менее толерантным, экономика – более слабой и изолированной, пострадают наука, культура, искусство и практически все, что дорого британцам. Ни те, ни другие не касались действительно важных вопросов, поскольку, с одной стороны, и сам референдум проводился не для того, чтобы решать стоящую перед британцами реальную проблему, а чтобы увеличить электорат Консервативной партии. С другой же стороны, масса проблем, с которыми сталкивались британцы, носили по большей части внутренний характер.

Действительно, задача ЕС, как наднациональной структуры, состояла в том, чтобы насаждать в странах-членах либерализм и режим строгой экономии в таких масштабах, которые не выдержала бы ни одна национальная политическая система. Но британский неолиберализм носил экстремальный характер и отличался сугубо национальной спецификой – отчасти в силу нежелания Великобритании участвовать в программах ЕС. Правда и то, что кризис еврозоны разразился в результате злоупотребления финансиализацией¹.

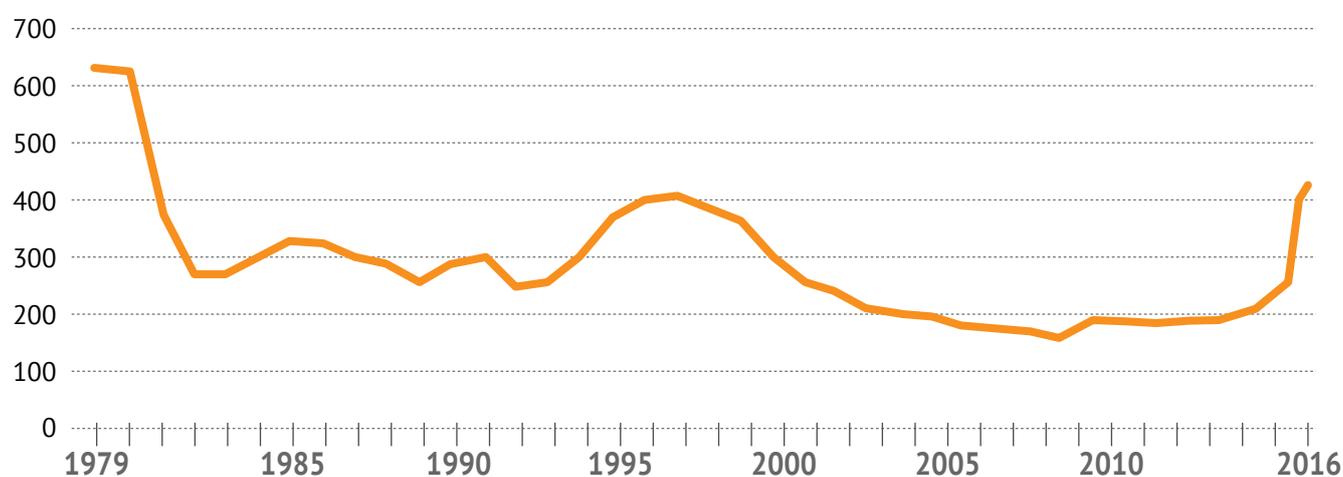
При этом Великобритания не является членом еврозоны и ее финансовый сектор, извлекая из сложившейся двойственной позиции немалую выгоду (мы подробно остановимся на этом позже), увековечивает модель несбалансированного экономического роста и неравномерное распределение национального богатства между социальными группами и регионами, что ни одна экономика или социум не могут долго выдержать. За выход из ЕС голосовали люди, пострадавшие от этой модели.

¹ Финансиализация – тенденция к преобладанию финансового сектора над индустриально-ориентированной моделью развития экономики. – Прим. ред.

Сплотившееся вокруг Джереми Корбина и Джона Макдоннелла новое руководство Лейбористской партии было практически единственной силой, которая прислушалась к недовольным и попыталась найти решение проблемы. О взаимопонимании, возникшем между Корбиным и пострадавшими от режима экономии людьми, говорит стремительный рост численности

Лейбористской партии сразу после его избрания: за три месяца членство в партии увеличилось с 180 тыс. (самого низкого послевоенного уровня при Блэре) до 500 тыс. (Рис. 2). Это положительно сказалось и на популярности партии вопреки лживым измышлениям недругов Корбина из СМИ, пытавшихся изобразить его «провальным кандидатом».

Рис. 2.
ЧИСЛЕННОСТЬ ЛЕЙБОРИСТСКОЙ ПАРТИИ С 1979 ГОДА²



Источники: Библиотека Палаты представителей и <https://commons.wikimedia.org/wiki/User:Rwendland>

На самом деле, в промежутке между поражением Лейбористской партии на всеобщих выборах в 2015 году и избранием в качестве лидера партии Джереми Корбина рейтинг партии, по опросам общественного мнения, снизился с 35% до 30% (то есть, даже ниже, чем при Брауне), но впоследствии за шесть месяцев практически восстановился.³ Случившийся затем откат к тридцати и ниже процентам был прямым следствием

нарастающего вала нападок на Корбина из рядов самой Лейбористской партии, кульминацией которых стал беспрецедентный вотум недоверия со стороны 172 членов парламента сразу после оглашения результатов референдума. Они утверждали, что Корбин недостаточно энергично агитировал за ЕС. Однако на отрицательный результат голосования повлияли, прежде всего, преданные верхушкой низы Консервативной партии.

Второе же, и самое главное, заключается в том, что после того, как лейбористы в течение семи лет поддерживали проводимую консерваторами политику строгой экономии, а потом дружно набросились на единственного лидера, который стремился это положение изменить, кампания за дальнейшее членство в ЕС лишилась единственной силы, способной ее спасти, а именно сплотившейся вокруг своего лидера Лейбористской партии, которая выступала против режима жесткой экономии.

² NB: Данные за квартал и все, за исключением данных за сентябрь 2016 г., почерпнуты из материалов Библиотеки Палаты представителей. Источник сентябрьских данных: <http://labourlist.org/2016/07/post-referendum-boost-means-labour-now-has-over-half-a-million-members/>. Указанный на сайте Лейбористской партии данные «380 тыс», скорее всего, недостоверны, поскольку не подвергаются регулярному обновлению.

³ См. скользящие средние показатели за каждые четыре недели, поступавшие от тех, кто проводил опрос. Источник: <http://ukpollingreport.co.uk/voting-intention-2>.

Результат голосования: протест против неолиберальной Британии

Утром 24 июня 2016 года британский политический класс ощутил синдром похмелья. Накануне вечером случилось немыслимое. Вопреки мощному политическому давлению, вопреки предостережениям о грядущих экономических, политических и социальных катастрофах, вопреки снобистской уверенности в том, что народ Великобритании будет действовать по указке господ, референдум дал ясный ответ: после 43 лет членства в ЕС 52% населения против 48%, при явке, превысившей 70%, проголосовали за выход из Евросоюза. Такой исход оказался для истеблишмента ударом, ибо все опросы общественного мнения, проводившиеся с конца 2015 года, неизменно говорили о том, что большинство выступает за членство в ЕС. И хотя за две недели до референдума у сторонников выхода появился некоторый перевес, на дату голосования все опять пришло в норму (Financial Times. 2016). Когда подсчитали голоса, выявились четкие закономерности. Шотландия, Северная Ирландия, Лондон и некоторые другие крупные города проголосовали за то, чтобы остаться, вся остальная страна сделала выбор в пользу выхода.

Опросами на выходе с избирательных участков не озадачилась ни одна из крупных медиакомпаний, поэтому подробная информация о том, кто голосовал за выход, а кто за то, чтобы остаться, основана только на результатах социологических замеров, проводившихся до референдума. Хотя было бы не совсем правильно считать, что неожиданный результат подтверждает правильность этих данных. Впрочем, один опрос на выходе (Ashcroft. 2016) все-таки в общих чертах подкрепляет общую картину, выявившуюся в ходе публичных дебатов, как до начала кампании, так и по ее завершении. Похоже, что за то, чтобы остаться в ЕС, выступала молодежь (из которой мало кто проголосовал на референдуме), безработные, люди с высшим образованием, граждане, снимающие жилье, цветные, нехристиане, а также сторонники Лейбористской партии, Шотландской национальной партии, Партии Уэльса и Партии зеленых. Большинство, проголосовавшее за выход, включало граждан старшего возраста, в частности, пенсионе-

ров, безработных, собственников жилья, граждан без высшего образования, белых, христиан, а также приверженцев Консервативной партии и Партии независимости Соединенного Королевства.

Но было бы чересчур просто истолковать этот расклад таким образом, что против толерантности и космополитизма выступили только малообразованные избиратели, малоквалифицированные работники, а также представители старшего поколения, больше привыкшие к имперской, нежели европейской Британии. Не было недостатка и в комментариях, авторы которых намекали, что за выход голосовали те, кто остался на обочине глобализации. Однако первое толкование носит снисходительный характер, а второе подразумевает, что глобализация свела на нет государственную экономическую политику (Нау. 2014), тогда как на деле глобализация была идеологией экономической стратегии администрации Клинтона, нацеленной на отмену контроля над движением капитала в мире (Desai. 2013). В действительности, представленная закономерность указывает лишь на то, что группы, выигравшие и проигравшие в результате применения в высокой степени финансиализированной британской модели экономического роста, существуют в разных географических, социальных и культурных измерениях, характеризуются взаимным непониманием, и последних гораздо больше, чем первых.

Протестное голосование «лузеров» не было бурей в стакане воды. Проведенный в конце сентября порталом YouGov опрос выявил, что через три месяца после референдума высказавшееся за выход из ЕС большинство твердо придерживается своего выбора. И, по всей видимости, не напрасно. Это свидетельство отторжения широкими массами неолиберального status quo. Brexit походит на движение в поддержку Сандерса в США, Подемоса в Испании, «Пяти звезд» в Италии и, в известном смысле, Сиризы в Греции. Такой же взрыв негодования способствовал избранию на пост лидера Лейбористской партии Джереми Корбина. В Шотландии, единственной стране, получившей возможность проголосовать против политики жесткой экономии, это

проявилось в том, что практически все «шотландские» места в парламенте Соединенного Королевства достались представителям Шотландской национальной партии (Desai and Freeman. 2015). Г-жа Мэй явно учитывала решение референдума, обращаясь к делегатам конференции консер-

ваторов в 2016 году с самым леворадикальным воззванием в истории этой партии. В частности, она заявила, что стране требуется правительство, «способное предложить программу серьезных социальных преобразований».

Дословно было сказано следующее:

«Свидетельства, говорящие о наличии такой необходимости, были известны нам в течение длительного времени. Если вы родились в бедной семье, то умрете в среднем на девять лет раньше других. Если вы чернокожий, то система уголовного правосудия обходится с вами более жестко, нежели если бы вы были белым. Если вы белый мальчик из рабочей семьи, то у вас меньше шансов получить высшее образование, чем у других. Если вы ходите в государственную школу, то вам труднее получить престижную профессию, чем тем, кто обучается в частной школе. Если вы женщина, то по-прежнему зарабатываете меньше мужчины. Если вы страдаете психическим заболеванием, то часто получаете помощь в недостаточном объеме. Если вы молоды, то вам труднее стать собственником жилья, чем когда-либо прежде. Все это проявления вопиющей несправедливости, и я намерена бороться с ними столь же решительно, что и с незаконной практикой задержаний и обысков на улице, смертью во время содержания под стражей в полицейских участках и современным рабством» (Мэй. 2016).

Очевидные противоречия между этими заявлениями и одновременным ужесточением позиции по иммиграции, вызывающим обеспокоенность в связи с ее расистским характером, проявившимся в другой речи г-жи Мэй четыре дня спустя, свидетельствуют о том, что суть политики консерваторов вряд ли изменится.

Положение «лузеров» только сейчас начинает привлекать внимание глубоко потрясенных интеллектуалов, на протяжении десятилетий не занимавшихся этим вопросом. Как отмечает Саймон Тилфорд в своем недавнем докладе (2016), подготовленном для Центра европейских реформ, безработица в Великобритании ниже, чем в других крупнейших экономиках ЕС. Главным образом, заметим в скобках, благодаря деятельности сектора услуг, обеспечивающего энное количество низкооплачиваемых, неквалифицированных и нестабильных рабочих мест. С начала 2000-х годов реальный экономический рост в Британии, если измерять его в фунтах стерлингов, выше, чем в других странах ЕС. Но с учетом разницы в ценах этот показатель – как в абсолютных величинах, так и на душу населения, оказывается ниже, чем в других ведущих экономиках ЕС (Германия, Франция, Италия, Испания),

опережая лишь Италию. По сравнению с 2000 годом британцы беднее населения 15 других стран ЕС. По показателям производительности труда страна занимает одно из последних мест среди крупнейших стран ЕС. Рабочий день британцев продолжается дольше, чем в этих странах, за исключением Испании, а зарплаты ниже, чем во Франции и Германии. В Британии ниже уровень образования и квалификации, не производятся капиталовложения в инфраструктуру.

В докладе Тилфорда обращают на себя внимание еще два момента. Во-первых, Лондон, где сосредоточен финансовый сектор страны, практически единственный сектор экономики, достигший процветания за последние десятилетия, является и самым богатым городом. Во-вторых, в Британии имел место наибольший прирост численности трудоспособного населения из всех крупнейших экономик ЕС, за исключением Испании. В сущности, британская экономика работает на очень незначительное число людей за пределами экономики города Лондона, в которой преобладает финансовый сектор. Теперь настало время рассмотреть его более внимательно и выяснить, на что он ставил в ходе референдума.

Brexit: угроза для Сити

Как ни парадоксально это звучит в отношении родины «промышленной революции», но владельцы промышленных предприятий никогда не составляли большинства среди класса капиталистов. Благодаря более ранней капиталистической революции в сельском хозяйстве в XVI веке, эта привилегия закрепилась за первоначально аграрным капиталистическим классом, который в дальнейшем диверсифицировал свою деятельность, занявшись финансами, коммерцией, куплей-продажей земельной собственности и стал ведущей силой, одновременно усвоив «благородное презрение» к промышленности. Благодаря Британской Империи, они превратили лондонский Сити – «квадратную милю», на которой до 1970-х годов были сосредоточены все финансовые учреждения Лондона – в мировой финансовый и коммерческий центр XIX века, чему немало способствовало положение фунта стерлингов в качестве мировой валюты (Anderson 1964, Ingham. 1974). На пике британского индустриального могущества в середине XIX века такое главенство обеспечило проникновение промышленных товаров из Великобритании на рынки всех стран мира.

Но к концу XIX века господство Британии уже не было безусловным и все чаще оспаривалось новыми конкурентами, например Германией и США. Главенствующая роль Сити в британском капиталистическом классе обрекала на неудачу усилия по поддержке национальной индустрии, которая продолжала ослабевать (Gamble 1990, Leys. 1990. См. также Desai 2013, Burke. 2016). Такие усилия предусматривают протекционизм, высокий уровень регулирования экономики и существенную роль государства по поддержке национального промышленного производства, а это противоречило интересам Сити и его союзников в имперских кабинетах.

После 1914 года, с утратой роли фунта стерлингов как мировой валюты, разразился кризис, от которого Сити смог оправиться только после войны, переосмыслив свою функцию в мировой экономике. Однако существенные ограничения, которые представляет Сити для производственной индустрии Великобри-

тании, не были устранены. Низкий уровень регулирования, налоговая и кредитно-денежная политика, направленная на поддержание высокого курса фунта стерлингов, укрепили доминирующее положение Сити и обусловили спад промышленного производства, лежащий в основе указанных выше проблем. Кроме того, финансовый сектор расширился и теперь включает башни на Кэнэри Уорф, в которых располагаются штаб-квартиры крупных английских и иностранных банков, а также мощные компании, специализирующиеся на слияниях, поглощениях и управлении активами, из Мэйфер и западных районов (Agnew and Jenkins. 2016). Строго говоря, этот конгломерат вряд ли можно назвать «Сити», но мы будем пользоваться этим термином как удобным условным обозначением.

Поэтому не стоит удивляться, что до недавнего времени отношения Великобритании с Евросоюзом строились в соответствии с представлениями и интересами Сити, а не британской экономики, не говоря уже о трудящихся.

Если Соединенное Королевство и было самым пассивным членом и неудобным партнером ЕС (George. 1998), то главным образом потому, что отношения между Британией и Евросоюзом подлежали корректировке с учетом интересов Сити. Черчилль, рассуждавший о желательности «Соединенных Штатов Европы», в 1957 году не дал Британии вступить в ЕЭС при подписании Римского договора. Это, в свою очередь, было обусловлено тем, что США, тщетно пытавшиеся заменить Великобританию в качестве главной мировой державы, после войны реструктурировали американо-британские отношения и достигли договоренности о «специальных отношениях». Так нарекли военный союз, в рамках которого произошел обмен статуса вассала на привилегированный (хотя и подчиненный) доступ к ресурсам, в частности, нефти, полезным ископаемым и военным базам, которые стремились контролировать США (Freeman. 2014). Мировая роль Великобритании и Сити определялась существованием все еще обширной – хотя и сокращающейся – системы имперских предпочтений, как иноска-

зательно именовалось Британское Содружество, и особыми отношениями с США.

В период 1950–1960 годов особые отношения вдохнули жизнь в Сити (Ingham. 1984), погруженный в тридцатилетний кризис (1914–1945 гг.). Хотя мировое значение фунта стерлингов продолжало падать, Сити процветал, занимаясь и традиционными направлениями бизнеса – драгоценными металлами, валютными рынками, вторичными рынками акций, выпущенных в других юрисдикциях, страхованием – и кое-какими новыми, прежде всего евродолларовым рынком (Strange. 1971). В значительной степени такой эффект достигался за счет использования политического влияния Сити, в угоду которому подгонялось законодательство и корректировалась экономическая политика. Одновременно в британскую экономику внедрялись циклы поочередного сдерживания и стимулирования экономического роста, под воздействием которых прерывался экономический рост и пролонгировалась стагнация.

Хотя Макмиллан подал заявку на вступление в ЕС еще в 1960-х годах и на нее поначалу наложил вето де Голль, так как Британия и США по-прежнему отказывали Франции в доступе к военным ядерным технологиям (Freeman. 2014), тогда это не имело особого значения. «Желание некоторых влиятельных элементов британского капитализма попасть в Общий рынок имело лишь умеренное воздействие. Его было достаточно, чтобы правительство окончательно развернулось в сторону Европы, но недостаточно для того, чтобы проект стал для них абсолютным приоритетом, побудив пойти на риск полного разрыва с традицией, которого требовал такой разворот» (Nairn. 1972). Но к началу 1970-х годов, с закрытием «золотого окна»⁴, общей неуверенности в отношении международной валютной системы и роли в ней американского доллара ситуация

⁴ 15 августа 1971 г., президент США Ричард Никсон поручил министру финансов Конналли «временно приостановить» конвертируемость доллара, по существу выведя американскую валюту из системы золотого стандарта. – Прим. ред.

изменилась⁵. Новые обстоятельства потребовали «стремительного ускорения прежде величавого и осанистого имперского подхода к этому вопросу. С барственной поступи пришлось перейти на бег» (Nairn. 1972).

Великобритания вступила в ЕС в 1973 году при премьер-министре Хите. Это решение было утверждено на референдуме 1975 года, объявленном премьером Вильсоном. Но прочные отношения Сити с ЕС были установлены только при правительстве Тэтчер, которое пришло к власти в 1979 году. Чуть ли не первым шагом Тэтчер на посту премьер-министра была отмена контроля над движением капитала. Вкупе с общим курсом на дерегуляцию, которым следовало ее правительство и который приносил непропорционально большие доходы финансовому сектору, это обеспечило Сити преимущество перед другими европейскими финансовыми центрами в контексте намечавшихся масштабных, по большей части – долларовых, финансиализаций⁶. Однако в 1980-х годах процесс европейской интеграции застопорился, и основой процветания Сити стали высокие «монетаристские» процентные ставки начала и середины 80-х годов. Такая политика напрямую обогащала держателей государственного долга, а косвенно позволяла Сити обеспечивать устойчивость обменного курса, не будучи членом Европейского механизма регулирования валютных кур-

⁵ Вопреки мнению тех, кто задним числом увидел в этом некий «мастерский ход», направленный на закрепление международной роли доллара в отсутствие обременений, налагаемых привязкой к золоту, закрытие «золотого окна» было навязано администрации Никсона в условиях многочисленных кризисов и сразу же привело к такому резкому падению курса доллара, что правительству США пришлось прибегнуть к заимствованиям для осуществления рыночных интервенций. С тех пор международная роль доллара основывалась на ряде конъюнктурных деноминированных в долларах международных финансиализаций, каждая из которых терпела неудачу и требовала замены на другую, и всякий раз бесценный вклад в неё делал Сити. Более подробно, см. Desai. 2013.

⁶ Финансиализация – процесс трансформации финансового капитала в фиктивный и виртуальный капитал и его отделение от реальной, производственной сферы. – Прим. переводчика.

сов (ERM). В конце 80-х годов, когда в результате этой политики был достигнут предел возможностей по сдерживанию инфляции, правительство Тэтчер в качестве подарка преподнесло Сити реформу Лондонской фондовой биржи (1986), отменив целый ряд традиционных ограничений на торговлю акциями и ценными бумагами, включая фиксированное комиссионное вознаграждение, различие между брокерами и маклерами, заключавшими сделки за собственный счет, и ограничение на деятельность иностранных фирм на Лондонской фондовой бирже. Такие порядки могли оставаться в силе только до тех пор, пока Сити продолжал заниматься традиционной банковской деятельностью. Но в 1970-х и 80-х годах ему пришлось пережить ряд потрясений, в том числе высокую инфляцию и долговой кризис в странах третьего мира и теперь при кредитовании приходилось усиленно повышать роль ценных бумаг как формы заимствований (секуритизация). Сопутствовавший этому рост международных портфельных инвестиций в иностранные активы был чреват тяжелыми последствиями, которые впервые проявились в 1987 году во время краха американского фондового рынка. Изначально не имевшая шансов на успех попытка Лоусона включить фунт стерлингов в ERM с треском провалилась, высветив базовые различия между экономикой Британии и экономикой ее европейских партнеров-конкурентов. Но зато Британия по счастливой случайности обрела уникальную возможность управлять второстепенной резервной валютой из недр Общего рынка.

После реформ на Лондонской фондовой бирже Сити получил идеальный шанс для установления новых взаимоотношений с Нью-Йорком. Два главных финансовых центра пустились в плавание по рекам международного капитала, потоки которого разбухали и набирали скорость в рамках мировой англо-американской финансовой системы, вызывая крах фондовых бирж и банковско-валютные кризисы, которые мы наблюдали в течение последующих десятилетий (Costello, Michie and Miln. 1989; Bordo and Eichengreen. 2002).

По своей сути процесс европейской интеграции, запущенный в начале 1970-х годов в целях борьбы с неустойчивостью, порожденной закрытием «золотого окна» и отказом США от сотрудничества в деле создания многостороннего международного монетарного порядка, представлял собой попытку оградить Европу от нестабильности путем создания финансового мира без американского доллара.

В течение трех последующих десятилетий Великобритания оставалась вне ERM, а позднее и еврозоны, что давало Сити стратегически выгодные позиции и возможность стать ключевым звеном между двумя радикально отличными друг от друга финансовыми системами. По одну сторону существовал высоко дерегулированный англо-американский мир, в котором преобладали деноминированные в долларах потоки капитала. По другую сторону – европейский мир, стремившийся обеспечить более высокую степень финансовой интеграции, кульминацией которых стало введение в обращение евро. На фоне зарегулированных структур еврозоны и ее по-прежнему национальных банковских систем возрастало значение «паспортных прав» Сити, являющегося частью общего рынка ЕС. Сити также стал «мостом, перекинутым к финансовым учреждениям за пределами ЕС, желающим обслуживать рынок Большой Европы, ... [и] к европейским континентальным банкам ... сосредоточившим большую часть своих оптовых операций в Лондоне. (Оптовая финансовая деятельность заключается в предоставлении займов, получении кредитов и осуществлении сделок в интересах финансовых учреждений и между ними, а не между банками и их клиентами)» (Springford and Whyte. 2014). Таким образом, время вступления Соединенного Королевства в ЕС, равно как и своеобразный характер отношений между сторонами, продиктованы интересами Сити. Британские лидеры постоянно подвергали критике централизм, отсутствие подотчетности и якобы «социалистические тенденции» ЕС, предпочитали оставаться вне еврозоны и чаще всех других стран-членов договаривались о неучастии в важнейших догово-

рах и соглашениях, включая известный случай с «социальной главой» Маастрихтского договора. Кроме того, Британия потребовала и получила обратно часть средств, уплаченных в форме взносов в общий фонд ЕС, который «до сих пор существует, содержит до 90 млрд евро и является одной из «красных линий» в любых переговорах по бюджету ЕС» (Fox. 2013).

Однако события, последовавшие за финансовым кризисом 2008 года, и начавшийся в 2010 году кризис еврозоны заставили прервать эти доходные финансовые операции. Во-первых, более жесткое регулирование и изменения в поведении частного сектора привели к тому, что международные финансовые потоки значительно сократились, а возмещение едва превышало 60% от максимального докризисного уровня (McKinsey. 2013). Во-вторых, ослабили деловые связи Великобритании с США и ЕС.

В-третьих, координирующая роль, которую Сити играл в отношениях между ЕС и США и которая в предыдущем десятилетии обеспечивала едва ли не самую высокую доходность, теперь оказалась под вопросом. Именно через этот канал еврозона оказалась затронута кризисом, разразившимся на ипотечном рынке США, и стала главной жертвой катастрофы 2008 года за пределами Америки.

В первое десятилетие XXI века финансовые связи между этими двумя мирами, в частности, между Германией и англо-американским миром, существенно расширились: потоки капитала из все более (хотя и запоздало) финансиализирующейся экономики ЕС, возглавляемой германскими и французскими финансовыми учреждениями, стали вливаться в американский кредитный пузырь образца 2000-х годов. До объединения Германии Франции удавалось удерживать ФРГ в четких рамках производственно-государственно- и социально-ориентированной континентальной модели (van der Pijl, et al. 2011). Однако после объединения, с учетом возросшего веса Германии в ЕС, это стало затруднительно. В течение следующего десятилетия Германия отошла от производственно-ориентированной модели, которая длительное время

обеспечивала здоровое развитие ее обрабатывающей промышленности. Объединение Германии путем поглощения Восточной Германии создало «образец» для подчиненного поглощения бывших коммунистических стран, начавшегося в конце 90-х годов прошлого века. Начавшийся в тот же период проект введения общей европейской валюты (евро) и сопутствовавшая этому финансовая интеграция поставили в схожее подчиненное положение ее старую южную периферию. Теперь германский капитал не нуждался в высокой степени регулирования и политических компромиссах с работниками, которые были основой высокопродуктивной экономики в прежние времена, а экспансия на Восток и финансовая интеграция взяли верх над политикой укрепления Евросоюза посредством глубоких социал-демократических преобразований и регулирования, которые отстаивала Франция. Поскольку эти процессы дали мощный толчок неолиберализму и финансиализации, то перед европейскими инвесторами открылись два четко очерченных пути. Более известен безопасный (как мы теперь знаем, только кажущийся таковым) путь получения прибыли чисто финансовыми средствами, предусматривающий предоставление германским и французским капиталом займов периферии, что решало проблему постоянного активного сальдо торгового баланса Германии без исполнения соответствующих обязательств вроде перевода средств в бюджет. Второй путь менее известен: он пролегает через Сити, служащий мостом между ЕС и США. Именно эта новая финансиализированная столица Европы, а отнюдь не (как часто утверждается) какая-то жадная до накопленных азиатская столица (Borio and Disyatat. 2011; Nesvetailova and Palan. 2008), и вложила в начале 2000-х годов средства в токсичные бумаги, выпущенные американскими домостроительными и кредитными «пузырями». А когда те лопнули, то именно она и понесла наибольшие потери (Serfati. 2015; Montaballo. 2016).

Объем сделок в треугольнике Сити-ЕС-США сократился. Едва ли кто сомневается, что в Сити произошел раскол и в какой-то сте-

пени утрачена управляемость. В промежутке между финансовым кризисом 2008 года и кризисом еврозоны 2010 года активно обсуждался вопрос о вступлении Великобритании в еврозону, а после начала кризиса – мудрое решение не вступать. Сегодня в Сити нет единого мнения о том, является ли наиболее перспективным направлением деятельности Европа или остальной мир, в частности развивающиеся рынки, особенно Китай и другие страны БРИКС. Сейчас это просто невозможно определить. Тем временем, Сити скупает все возможные договоры страхования. Объявление о присоединении Великобритании к созданному Китаем Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (АБИИ), несмотря на громкие протесты со стороны администрации Обамы, стало одним из свидетельств таких усилий и пролило новый свет на вопрос о сравнительной привлекательности традиционных англо-американских финансовых связей и новых связей, завязывающихся на Востоке.

Находясь в таких стесненных обстоятельствах, Сити, как во время, так и после референдума, выступал практически единым фронтом в поддержку членства в ЕС. В противном случае он терял все, даже ту малую часть европейско-

го бизнеса, которым продолжал управлять благодаря «паспортным правам» на пространстве ЕС. Более того, существовала опасность, что многочисленные иностранные компании, решившие обосноваться в Великобритании, чтобы воспользоваться ее членством в ЕС, теперь переедут в другие финансовые центры на территории еврозоны. Конкурирующие европейские финансовые центры уже выстраивались в очередь, чтобы не упустить свою выгоду. Наконец, стало очевидно, что кампании из быстроразвивающихся экономик, которым Сити обеспечивал доступ на территорию ЕС, вряд ли будут открывать там новые предприятия. Кроме того, практически впервые за многие века над Сити нависла реальная угроза, с которой тот до сих пор успешно справлялся, – угроза демократии. И случилось это как раз в тот момент, когда носители перемен, обеспечившие процветание Сити, – открывшиеся новые представительства иностранных компаний, крупных корпораций, заменившие старые уважаемые инвестиционные банки, его собственный новоприобретенный мультикультурализм – словно сговорились лишить его права выступать в качестве единого агента. Теперь мы в состоянии понять события, происшедшие после референдума.

Что они сделали?! Задача с известными неизвестными и неизвестными неизвестными

Сейчас ни у кого не вызывает удивления тот факт, что сразу после объявления окончательных результатов, раздалось требование об отмене итогов референдума. Проблема состоит в том, что попытка загнать обратно выпущенного из бутылки демократического джина (или продемонстрировать такое намерение) граничит с политическим самоубийством. Не в последнюю очередь именно этим объясняется твердое заявление г-жи Мэй: «Brexit означает Brexit». Вопреки некоторым заверени-

ям, это не просто обтекаемое высказывание, которое в действительности ничего не значит. Это четкий сигнал о том, что она не намерена поощрять (во всяком случае, публично) продолжающиеся попытки отменить или выхолостить результаты референдума. Заявленное намерение привести в действие положение ст. 50 до марта 2017 г. выдержано в том же духе. Именно поэтому она пригласила четырех ведущих сторонников выхода – Бориса Джонсона (министр иностранных дел), Лайэма Фокса

(министр международной торговли), Дэвида Дэвиса (глава новообразованного министерства по обеспечению выхода из Европейского союза) и Прити Пател (министр международного развития) – занять те посты, которые имеют ключевое значение для переговоров по Brexit.

По этой же причине среди них нет Филиппа Хэммонда, канцлера казначейства (министра финансов), каковой по традиции является представителем Сити в правительстве: привязанность Сити и Филиппа Хэммонда к ЕС слишком хорошо известна. Ему поручено разработать предложения, касающиеся увеличения государственных инвестиций, строительства социального жилья и отсрочки решения вопроса о сбалансированном бюджете – предложения, которые способны повысить продуктивность экономики, но которые вряд ли понравятся Сити. Эти меры могут помочь британской экономике преодолеть потрясения, связанные с выходом из Евросоюза, и подготовиться к встрече с новым неизведанным будущим.

Как мы скоро увидим, слова и действия г-жи Мэй не свидетельствуют о поддержке Brexit. Она всегда выступала за то, чтобы остаться в ЕС. Не являются они и блефом человека, который не намерен выполнять свои обещания. Скорее, они рассчитаны на то, чтобы занять выгодную позицию независимо от исхода по-настоящему непредсказуемой борьбы, которая ожидается в будущем. Если Brexit будет навязан Британии в качестве единственного способа спасения Консервативной партии (или, что менее вероятно, в силу ошибок и просчетов со стороны ее контрагентов в Евросоюзе в ходе грядущих трудных переговоров), то она предстанет, как лидер, выполнивший волю народа, несмотря на трудность этой задачи. Если же ей посредством компромиссов удастся удержать страну в составе ЕС, она сможет сказать, что приложила все усилия к тому, чтобы осуществить решения референдума, но обстоятельства оказались сильнее нее.

Просто мы имеем слишком много неизвестных величин – известных нам и неизвестных, которые способны повлиять на результат.

Важное место среди последних занимают политические кризисы, катализатором которых послужили результаты референдума. Отставка Дэвида Кэмерона спровоцировала начало борьбы за лидерство в Консервативной партии, но два наиболее вероятных кандидата на этот пост – Борис Джонсон и Майкл Гоув – пали жертвами кровопролитной внутрипартийной борьбы между сторонниками и противниками выхода, изобиловавшей предательствами как с той, так и с другой стороны. Верные истеблишменту члены парламентской фракции Лейбористской партии обвинили своего лидера Джереми Корбина, давно известного своим евроскептицизмом, в том, что тот недостаточно энергично агитировал за членство в ЕС, и попытались добиться его переизбрания. Однако было совершенно ясно, что этот шаг продиктован исключительно антипатией к Корбину. Как будто экзистенциальных баталий внутри обеих крупнейших политических партий было недостаточно, оказалась на волоске и судьба самого Соединенного Королевства. В Шотландии и Северной Ирландии снова подняли голову националисты. Первый министр Шотландии от Национальной партии Никола Старджен заявила, что в случае выхода Британии из Евросоюза Шотландия рассмотрит все варианты, позволяющие ей остаться в его составе, вплоть до отделения от королевства. Для партии Шинн Фейн также настал момент истины, правда, окрашенный в ироничные тона. Там заявили о грядущем объединении Ирландии в связи с тем, что у Северной Ирландии появляется шанс осуществить свое номинальное право на суверенитет и остаться в Европе вместо Британии.

Возможно, результат референдума был однозначным, судьбоносным и исторически значимым. Возможно, Британия была первой страной, проголосовавшей за выход из одного из самых успешных экспериментальных проектов в области региональной интеграции, несмотря на проблемы еврозоны, членом которой Великобритания не является. Возможно, кому-то показалось (к счастью или несчастью – в зависимости от вашей точки

зрения), что такой результат чреват резкими и более (либо менее) быстрыми изменениями в социальной, политической и экономической жизни, что за прошедшие четыре десятилетия все более походила на жизнь в континентальной Европе, контактов с которой погруженная в имперские заботы Великобритания прежде избегала. Возможно, под его воздействием обрушились фондовые рынки, курс фунта стерлингов снизился до самого низкого уровня за весь 31-летний период, в жизни управляющего Банком Англии настал самый черный день, премьер-министр ушел в отставку, в крупнейших партиях Великобритании разразился кризис, который привел к смене руководства. Возможно даже, что референдум поставил под угрозу само существование Соединенного Королевства.

Но так как его исход противоречил чаяниям едва ли не всего политического истеблишмента, пути аннулирования нежелательного результата стали предлагаться почти сразу после его оглашения. По улицам Лондона прошли демонстрации, участники которых (в большинстве своем молодые люди и представители среднего класса) требовали проведения еще одного референдума. Петиция с тем же требованием набрала 2,5 млн подписей и через три дня после оглашения результата обрушила сайт Палаты представителей (Tarper. 2015). Кто-то из числа желающих пересмотра результатов, доказывал, что референдум носит консультативный, а не обязательный характер и правительство может и должно его проигнорировать. Маститые международные юристы приводили убедительные доказательства незаконности плебисцита (Allott. 2016). Около тысячи барристеров подписали письмо на имя премьер-министра, требуя, чтобы вопрос о членстве в ЕС решал парламент после тщательного расследования, поскольку, согласно конституции Великобритании (во всем ее неписаном величии), суверенитетом обладает только парламент, а отнюдь не народ (Bowcott. 2016). Результатом такого голосования была бы отмена итогов референдума с учетом того, что боль-

шинство парламентариев являются представителями профессиональной прослойки среднего класса (результат профессионализации политической деятельности в последние десятилетия), а не классов, составляющих социальную базу их партий. Зная об этом, г-жа Мэй, желающая казаться поборницей демократического выбора британцев, не хочет идти на риск. Гораздо разумнее принять критику разъяренного парламента, как она сделала на партийной конференции в октябре. Более того, учитывая, что раскол по вопросу о членстве в ЕС по большей части произошел в самой Консервативной партии, г-жа Мэй подвергла бы опасности именно то, что она стремится защитить и укрепить, понуждая страну пройти тернистый путь, итогом которого может стать болезненный разрыв с Евросоюзом.

В стране, на протяжении последних десятилетий культивировавшей откровенный цинизм в отношении демократии (Maier. 2006), кое-кто даже жаловался, что референдум «был куплен миллиардерами» (Monbiot. 2016). Хотя известно, что дополнительные средства в форме единовременного крупного пожертвования в размере 3,2 млн фунтов стерлингов сторонники выхода получили от эксцентричного Питера Харгривза из Hargreaves Lansdown, одной из крупнейших финансовых компаний Сити. Главный вопрос состоит в том, почему весь остальной Сити с его коллективной мощью, единодушно поддерживавший членство в ЕС, не смог предложить своим сторонникам больше? Является ли это свидетельством новой амбивалентности в Сити? Признаком упадка былой финансовой мощи и политической воли? Последнее не исключено, учитывая трансформацию старого лондонского Сити, основанного на личных контактах выпускников престижных школ и семейных компаниях – в средоточие штаб-квартир финансовых корпораций, в которых персонал мало заинтересован в делах своей фирмы и использует ее как площадку для карьерного роста, а банкиры и брокеры не имеют такого влияния, как нынешние политтехнологи (Agnew and Jenkins. 2016).

Попытки противостоять выходу предпринимателей не только в Великобритании. Когда г-жа Мэй проигнорировала призывы членов парламента от собственной партии не приводить в действие ст. 50 до выборов в двух главных странах Европы – Германии и Франции – один бывший еврократ заметил, что не все будет потеряно, даже если процесс начнется в первые месяцы 2017 года. Британия может просто передумать даже после того, как начнется двухлетний период, поскольку в ст.50 предусматривается только изъявление «намерения» покинуть ЕС, а не «окончательное и не подлежащее отмене решение». «Согласно закону, вы можете от намерения отказаться, намерение изменить, либо преобразовать его в решение» (Piris. 2016).

Таковы силы, вступившие в борьбу за отмену результатов референдума. Дух Консерва-

тивной партии под водительством Мэй в лице ее сторонников из Сити и деловых кругов достаточно крепок, чтобы принять такой вариант, но слаба плоть – хрупкая электоральная база. Если вдруг в ходе предстоящих трудных переговоров выяснится, что партийное руководство делает не все, что необходимо, для выполнения воли народа, Консервативная партия навсегда лишится возможности прийти к власти. А в отсутствие такой возможности духу впору покинуть бренное тело и вознестись на небо за пределы британской политики. Однако опасность как раз и состоит в том, что, имитируя деятельность, они и в самом деле могут выполнить решение референдума. Причины критического положения, в котором оказались консерваторы и, по их милости, вся страна, кроются в неолиберальной идеологии и ее безраздельном господстве на протяжении сорока лет.

Британское общество: неолиберальные линии разлома

Неолиберализм расколол британское общество так же глубоко (если не глубже), как в свое время Дизраэли, написавший книгу «Сивилла, или две нации», после чего значительная часть интеллектуалов поддержали идею реформирования капитализма (Desai. 1994). Неравенство (в доходах, достатке, уровне культуры, профессиональной квалификации, состоянии здоровья, продолжительности жизни и т. д.), деформирующее британское общество, не является порождением одного неолиберализма, но существенно усугубляет проблемы. Г-жа Тэтчер привнесла во власть идеологию свободного рынка, основанную на монетаризме и противостоянии с профсоюзами, которая, по ее утверждению, имела ключевое значение для возрождения британской экономики и решения застарелых проблем, обострившихся в предыдущие 15 лет, в том числе неконкурентоспособности и низкой производительности труда.

Однако вместо возрождения продуктивной экономики результатом деятельности Тэтчер было невиданное доселе ни в одном индустриальном обществе сокращение обрабатывающего сектора – на 25% и, после непродолжительного первоначального подъема, неуклонное снижение объема капиталовложений (Рис. 3), которое окончательно подорвало и производственные возможности страны, и ее конкурентоспособность.

Спад в промышленности и его последствия только усугубились после того, как было предпринято фронтальное наступление на профсоюзы с целью ослабления их переговорной позиции, которое привело к увеличению неравенства в доходах, расширению ареалов хронической безработицы и использованию малоквалифицированного и малопродуктивного труда во многих частях страны. Единственным сектором, выигравшим от политики дерегули-

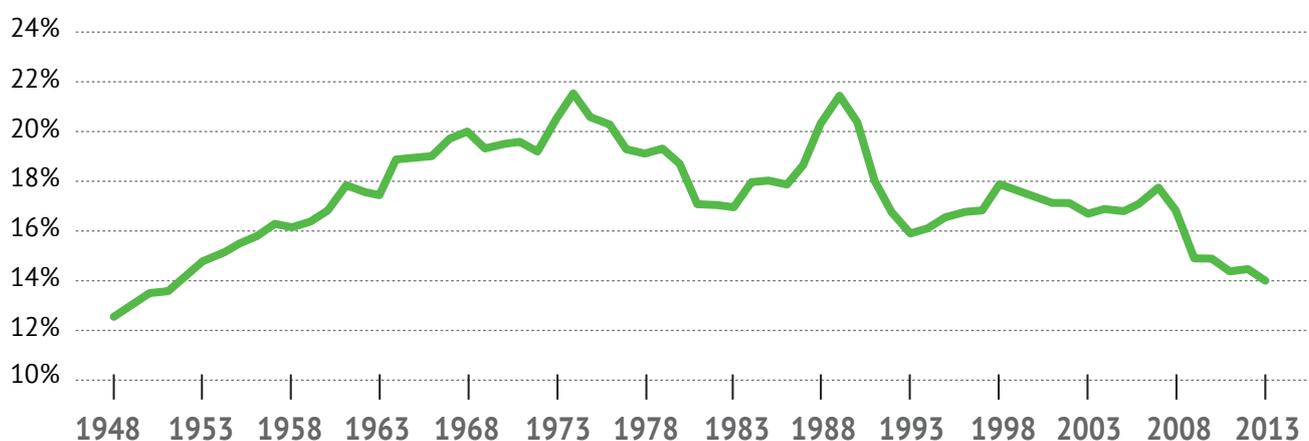
рования, был, как мы видели, финансовый сектор, который своей политикой навлек на британскую промышленность еще большие беды. Тэтчеризм – как в оригинале, так и в своих ответвлениях, носящих имена Блэра и Кэмерона – это синоним абсолютной экономической и социальной катастрофы, а Brexit – лишь первая плата в счет погашения политического долга.

В Британии коэффициент Джини (статистический показатель степени имущественного расслоения общества) поднялся с 0,26 в 1979 году до 0,4 в настоящее время. Географически он разделил Британию на зажиточные Лондон и юго-восток, на депрессивный север с его бедными, лишенными промышленности городами, и на чуть более благополучную социал-демократическую Шотландию, которой удается избегать худших проявлений социального распада, наблюдающегося на севере Англии. Показатели у остальных областей страны посредственные. Поэтому нет ничего удивительного в том, что за выход проголосовали все малоимущие, малообразованные и неквалифицированные британцы, а также пенсионеры, которые больше всех пострадали от неолиберальной реформы социального государства. За членство в ЕС – средний класс, интеллектуалы и «го-

ворящие головы», включая тех, кто значительно улучшил свое материальное положение за неолиберальные десятилетия и в состоянии наслаждаться всем, что предлагают Евросоюз и неолиберальная и финансиализированная Британия: высокие доходы, в том числе от финансовых инвестиций, дорогое жилье, высококачественные потребительские товары, доступ к высокой культуре и добротному образованию, изысканные продукты питания и вина, возможность путешествовать, работать и учиться в ЕС для себя и детей... За последние десятилетия из представителей этих классов было сформировано руководство обеих партий, которые при Тэтчер и Блэре сдвинулись вправо и присягнули на верность одной из разновидностей неолиберализма (в последнем случае в виде глобализации, открытости и космополитизма).

Эти разломы лежат в основе разрушенной политической системы, часть которой – Консервативная партия – довела Британию до Brexit, чреватого утратой единства, роли и авторитета на международной арене и, в зависимости от того, какой оборот примут события – социальной стабильности, и поставила в зависимость от своего будущего сам процесс выхода из ЕС.

Рис. 3.
ВНУТРЕННИЕ ИНВЕСТИЦИИ КАК ДОЛЯ ВВП СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА



Источник: ONS National Income Accounts series NPQS (Gross Fixed Investment), BKTL (GDP) и данные, рассчитанные авторами

Крах политической системы

Расколы, образовавшиеся в британском обществе за четыре десятилетия господства идеологии неолиберализма, привели к тому, что главные политические партии оторвались от своих социальных корней, подпали под влияние собственных профессиональных парламентских фракций, состоящих из представителей среднего класса, и сосредоточились вокруг высшего руководства, замкнутого на фигуру лидера. Члены парламента от Консервативной партии не сумели выразить чаяния владельцев малых предприятий и квалифицированных рабочих, пришедших к ним в годы правления Тэтчер, а лейбористы – отразить интересы рабочего класса, сталкивающегося с многочисленными проблемами, в первую очередь за пределами Лондона. Только Партия независимости Соединенного Королевства (ПНСК) под руководством Найджела Фараджа смогла в той или иной степени артикулировать разлитое в обществе недовольство, что нашло поддержку сторонников Консервативной партии и Джереми Корбина, выдвинувшего лозунг «остаться и провести реформы», без которого число проголосовавших за выход из ЕС оказалось бы куда более значительным. Ирония в том, что члены лейбористской парламентской фракции, обвиняя Корбина в недостаточно энергичной агитации, не осознают того, что если бы партия поддержала его призыв отказаться от жесткой экономии, поборники членства в ЕС могли бы победить.

Несмотря на участвовавшие расистские высказывания, случаи насилия и злоупотреблений, не все те, кто голосовал за выход из ЕС, были расистами. Во время промежуточных выборов в округе Шеффилд-Брайтсайд в мае 2016 года, когда лейбористы выступали против режима жесткой экономии и не делали уступок противникам иммиграции, им удалось укрепить свои позиции, тогда как доля голосов, поданных за ПНСК, сократилась.

Подавляющее большинство голосовавших «за» – это люди, оставшиеся ни с чем

в неолиберальные десятилетия. У сторонников членства в ЕС, особенно у большей части членов парламентской фракции Лейбористской партии, похвальный, хотя и поверхностный, космополитизм и конъюнктурные антирасистские взгляды намертво переплелись с фундаментальной невосприимчивостью к реальным проблемам их естественного электората – рабочего класса и нежеланием понять, насколько мало эти люди получили от членства в ЕС.

Хотя в основе движения за выход лежит политический кризис в недрах Консервативной партии, по ходу дела выявился не менее глубокий раскол в рядах лейбористов. Западные европейские социалистические и социал-демократические партии, как правило, объединяют работников физического и умственного труда (лиц, принадлежащих к свободным профессиям, интеллектуалов), т. е. тех, кого фабианцы, со свойственной им эксцентричной прямоотой, называли «мозги и массовость». Хотя, в действительности, рабочий класс никогда не испытывал недостатка в людях с умственными способностями, а класс профессионалов и интеллектуалов не был малочисленным.

Путь к альянсу был сопряжен с проблемами: противоречия между сторонами лежали в основе практически всех крупнейших кризисов в Лейбористской партии. От разногласий по вопросу о ядерном разоружении в 1950-х годах до появления радикального левого течения под руководством Тони Бенна в 1970-х, в результате чего Лейбористскую партию в 1981 году покинула большая группа партийных интеллектуалов, основавших Социал-демократическую партию (Desai. 1994). Однако в условиях неолиберализма произошел глубокий социальный, культурный и политический внутрипартийный раскол. Новолейбористские элементы партии, являющиеся стеновым хребтом блэризма, преобладают в парламентской фракции, тогда как Джереми Корбин был избран лидером партии при мощной поддержке профсо-

юзов и рабочих масс. Новых лейбористов такой исход схватки за пост лидера в 2015 году не устраивает, и они попытались свергнуть Корбина, используя Brexit как предлог. Бывший лидер Национальной партии Шотландии Алекс Сэлмонд охарактеризовал эту попытку как «омерзительный заговор» против Корбина. Заговор не удался, и в сентябре Корбин был переизбран с еще большим перевесом голосом. Однако все указывает на то, что лей-

бористские парламентарии не успокоились и будут вести новые подкопы под лидера, которого они ненавидят даже больше, чем тори. И если преуспеют, то Корбину, единственному публичному политику, способному выразить чаяния социально отчужденного большинства и привести Британию к более продуктивному, равноправному и культурно инклюзивному будущему, просто не дадут возможность озвучить эту альтернативу.

Заключение

Естественно, что исход переговоров – завершатся ли они выходом Великобритании из состава Евросоюза или договоренностью о продолжении ее членства на новых условиях – будет также зависеть от позиции и действий основных лидеров ЕС. Их будущее тоже неясно: в 2017 году канцлеру Германии Ангеле Меркель и президенту Франции Франсуа Олланду предстоят выборы, и, определяя свои позиции по большинству вопросов, они будут исходить из необходимости каким-то образом поддержать свою падающую популярность. Поскольку Германии и Франции нужны рабочие руки из восточной периферии, они вряд ли согласятся на компромисс по одному пункту, который было бы легче всего согласовать с Соединенным Королевством – вопросу о свободе перемещения. В то же время они хорошо сознают, что уступка с единственной целью удержать Британию в ЕС создаст опасный прецедент: отсюда угрозы о выплате огромной неустойки в случае выхода и требования о капитуляции в качестве платы за возможность остаться. И все это только для того, чтобы другие страны не последовали примеру Великобритании. Пока не совсем ясно, удастся ли взыскать эту неустойку и возымеет ли такая мера желаемый сдерживающий эффект.

По-прежнему невозможно предсказать, будет ли приведено в действие в марте 2017 года положение ст.50. А если это случится, то выйдет ли Британия из состава ЕС до 2019 года в соответствии с условиями статьи. Невозможно также предсказать, останется ли Соединенное Королевство единым. Цель настоящего исследования – показать, что до сих пор движущей силой процесса были потребности партии, переживающей кризис, и что эти потребности и в дальнейшем будут влиять на процесс по двум основным причинам. Во-первых, финансовый сектор Британии, интересы и требования которого до недавних пор были определяющим фактором в ее отношениях с ЕС, сейчас слишком слаб, раздроблен и не уверен в будущем, чтобы настаивать на дальнейшем пребывании в ЕС. Во-вторых, оставшиеся элементы политической системы не способны предложить альтернативу. И в ближайшей перспективе эта ситуация вряд ли изменится, если только Корбину не удастся побороть животную ненависть кабинетного неолиберального истеблишмента, проникшего в самое сердце его партийного аппарата, и заняться вопросами, связанными с удовлетворением насущных требований своих сторонников из числа рабочего класса.

Подготовлено 6 октября 2016 г.

Список использованных источников

1. Agnew, Harriet and Patrick Jenkins. 2016. *Big Bang II; After Brexit, what's next for the City of London?* *Financial Times*. 1 September.
2. Ashcroft, Michael. 2016. *How the United Kingdom voted on Thursday ... and why*. *Lord Ashcroft Polls*. 24 June. <http://lordashcrofthpolls.com/2016/06/how-the-united-kingdom-voted-and-why/#more-14746>
3. Asthana, Anoushka, Rowena Mason and Phillip Inman. *George Osborne: Vote for Brexit and Fact £30ba of taxes and spending cuts*. *The Guardian*. 15 June 2016.
4. Allott, Philip. 2016. *Forget the Politics – Brexit may be unlawful*. *The Guardian*. 30 June. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/jun/30/politics-brexit-unlawful-eu-uk>
5. Anderson, Perry. 1964. *Origins of the Present Crisis*. *New Left Review*, 1/23, January-February.
6. Baker David, Andrew Gamble and Steve Ludlam. 1993. *1846 ... 1906 ... 1996? Conservative Splits and European Integration*. *The Political Quarterly*. 64/4, October, pp. 420-434.
7. Bordo, Michael and Barry Eichengreen. 2002. *Crises Now and Then: What Lessons from the Last Era of Financial Globalization?* *NBER Working Paper W8716*. Cambridge, Mass: National Bureau of Economic Research.
8. Bowcott, Owen. 2016. *Parliament should make the final decision on whether to leave the EU, Barristers say*. *The Guardian*. 11 July. <http://www.theguardian.com/politics/2016/jul/11/brexit-parliament-should-make-ultimate-decision-on-whether-to-leave-eu-barristers-say>
9. Burke, Michael. 2016. *The Mystery surrounding the 'Productivity Puzzle'*. http://socialisteconomicbulletin.blogspot.ca/2016_02_01_archive.html
10. Costello, Nicholas, Jonathan Michie and Seamus Milne. 1989. *Beyond the Casino Economy*. London: Verso.
11. Cowley, Philip and Denis Kavanagh. 2016. *The British General Election of 2015*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
12. Desai, Radhika. 2013. *Geopolitical Economy: After US Hegemony, Globalization and Empire*. London: Pluto.
13. Desai, Radhika. 2015. *Geopolitical Economy: The Discipline of Multipolarity*, *Valdai Paper #24*, 22 July. <http://valdaiclub.com/publication/79640.html>
14. Desai, Radhika and Alan Freeman. 2015. *'Scots Tired of Austerity'*, *Winnipeg Free Press*, 9 May 2015.
15. *Electoral Commission, The*. 2016. *Fourth and Final pre-poll donations and loans report for the EU referendum*. London. <http://www.electoralcommission.org.uk/i-am-a/journalist/electoral-commission-media-centre/news-releases-donations/fourth-and-final-pre-poll-donations-and-loans-report-for-the-eu-referendum-published>
16. Farrell, Sean. 2016. *UK small businesses are evenly split on Brexit, poll says*. *The Guardian*. 2 June. <https://www.theguardian.com/business/2016/jun/02/uk-small-businesses-are-evenly-split-on-brexit-poll-says>
17. *Financial Times*. 2016. *Brexit Poll Tracker*. 23 June. <https://ig.ft.com/sites/brexit-polling/>
18. Fox, Benjamin. 2013. *Thatcher's European Legacy*. *EU Observer*. 9 April. <https://euobserver.com/news/119737>
19. Freeman, Alan. 2014. *The Benn Heresy*. London: Pluto. New edition.
20. Gamble, Andrew. 1974. *The Conservative Nation*. London: Routledge and Kegan Paul
21. _____. 1990. *Britain in Decline: Economic Policy, Political Strategy and the British State*. Basingstoke: Macmillan.
22. George, Stephen. 1998. *An Awkward Partner: Britain in the European Community*. Oxford: Clarendon Press.
23. *Guardian, The*. 2016. *EU Referendum: Full Results and Analysis*. <http://www.theguardian.com/politics/ng-interactive/2016/jun/23/eu-referendum-live-results-and-analysis>
24. Hay, Colin. 2014. *Globalization's Impact on States*. John Ravenhill (ed) *Global Political Economy*. Oxford: Oxford University Press

25. Ingham, Geoffrey. 1984. *Capitalism Divided? The City and Industry in British Social Development*. Basingstoke: Macmillan.
26. Leys, Colin. 1990. *Politics in Britain*. Verso: London.
27. May, Theresa. 2016. Theresa May's launch statement: full text. London: Conservative Party. <http://www.Conservativehome.com/parliament/2016/06/theresa-mays-launch-statement-full-text.html>
28. McEwan, Ian. 2016. Britain is changed utterly. Unless this Summer is just a bad dream. *The Guardian*. 9 July. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/jul/09/country-political-crisis-tories-prime-minister>
29. Monbiot, George. 2016. Billionaires bought Brexit – and they are controlling our venal political system. *The Guardian*. 13 July. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/jul/13/billionaires-bought-brexite-controlling-britains-political-system>
30. Nairn, Tom. 1972. *The Left Against Europe*. *New Left Review* 1/75, September-October, Special Issue, pp. 5-120.
31. Parveen, Nazia and Harriet Sherwood, 'Police log fivefold rise in race-hate complaints since Brexit result', *Guardian* 30 June 2016. <https://www.theguardian.com/world/2016/jun/30/police-report-fivefold-increase-race-hate-crimes-since-brexite-result>
32. Pijl, van der Kees, Otto Holman & Or Raviv. 2011. The resurgence of German capital in Europe: EU integration and the restructuring of Atlantic networks of interlocking directorates after 1991, *Review of International Political Economy*, 18:3, 384-408.
33. Piris, Jean-Claude. 2016. Article 50 is not for ever and the UK could change its mind. *Financial Times*. 1 September. <http://www.ft.com/cms/s/0/b9fc30c8-6edb-11e6-a0c9-1365ce54b926.html?siteedition=uk#axzz4J6Ic1Y7m>
34. Sparrow, Andrew. 2016. EU Deal Key Points: What Cameron wanted and what he got. *The Guardian* 2 February. <http://www.theguardian.com/politics/2016/feb/02/eu-deal-key-points-what-cameron-wanted-and-what-he-got>
35. Springford, John and Philip Whyte. 2014. *The Consequences of Brexit for the City of London*. London: Centre for European Reform.
36. Strange, Susan. 1971. *Sterling and British Policy*. Oxford: Oxford University Press.
37. Tilford, Simon. 2015. *Brexit Britain: The Poor Man of Western Europe?* London: Centre for European Reform. <https://www.cer.org.uk/publications/archive/policy-brief/2016/brexit-britain-poor-man-western-europe>
38. Tapper, James. 2016. Petition to hold second EU referendum reaches 2.5m signatures. *The Guardian*. 26 June. <http://www.theguardian.com/politics/2016/jun/24/petition-second-eu-referendum-crashes-house-of-commons-website>
39. YouGov. 2016. *The Times Survey Results: Voting Intention, May and Brexit*.
40. http://d25d2506sfb94s.cloudfront.net/cumulus_uploads/document/320wjqu4i2/TimesResults_160929_VI_Cons_W.pdf



#Valdaiclub

 [ValdaiClubRu](#)

 [ValdaiClubRu](#)

ru.valdaiclub.com

valdai@valdaiclub.com